

ВЕСЕННИЙ ГОЛОС

На международном конкурсе вокалистов в Нидерландах, состоявшемся в сентябре 1978 года, вторая премия присуждена солистке Московской филармонии и аспирантке Московской консерватории Алле Аблабердыевой; в октябре ей присуждена вторая премия на международном конкурсе вокалистов в Англии.

ГАЗЕТА «Гардиан» писала о ее выступлении: «Очень мало людей в СНЭП-Мелтинг-холле могли говорить по-русски, но не было ни одного человека, который бы не знал точно, о чем она поет. Когда она поет, она полностью подчиняет слушателя своей власти... Она не взяла первой премии, но это не имеет значения для тех, кто ее слушал. Мы надеемся услышать ее довольно скоро в нашей стране».

КАК-ТО, находясь в пионерском лагере «Орленок», композитор Д. Кабалевский был на концерте художественной самодеятельности детей — посланцев Узбекистана — и обратил внимание на худенькую, тринадцатилетнюю узбечку, которая бойко, без всякого аккомпанеента, тоненьким голоском пела «Заздравную» Дунаевского и «Весенние голоса» Штрауса. Разыскав ее на следующий день, он сказал, что у нее очень хорошие данные и что ей обязательно надо учиться пению. Если она когда-нибудь решит — пусть найдет его, и оставил ей телефон.

Прошло четыре года. Алла закончила десятилетку и пять классов музыкальной школы как пианистка. Что дальше? В семье мнения на этот счет разделились, родители отстаивали строительный институт, Алла — пение. Наконец, родители смягчились, и она поступает на вокальный факультет Ташкентской консерватории. Но слова Кабалевского не забыты и не дают ей покоя... И через несколько дней ее уже слушает прославленная певица Нина Львовна Дорлиак, после чего девушку зачисляют на подготовительный курс Московской консерватории.

— Голосок у нее был совсем детский — красивый, но очень уж слабенький, — говорит Нина Львовна, — но что было просто поразительным, так это ее природная музыкальность. Мы начали осторожно, не торопясь, работать — ни в коем случае нельзя было перегрузить ее хрупкий голосовой аппарат. Все, чего мы с ней добились, — результат естественного, постепенного развития. Но дело далеко не только в природных данных, в моем классе есть вокалистки в техническом плане сильнее ее. Но у Аллы совсем другое отношение — исключительная увлеченность всем, что прямо или косвенно относится к пению: много слушает записей, ходит на концерты, в оперу, в театр, перечитала почти всю мою библиотеку, особенно классиков русской литературы; безусловно, все идет ей на пользу. Пение — ее истинное призвание, она всегда готова петь, всегда в творческом настрое.

С Аллой я встретился в зале Гнесинского института, где только что закончился ее концерт. Я все еще находился под обаянием ее сопрано, исключительного, многообразного: то наполненного сочным теплом, то огненно-страстным. Вся манера ее сценического поведения

отличается раскованностью, естественностью — ни малейшей непрочувствованной риторики или надоедливой и наскучившей патетики, которыми, случается, заполняют духовный вакуум. Эмоциональная отзывчивость свойственна Алле и вне сцены, она жизнерадостна и непосредственна. Архитектура Ленинграда, образы Боттичелли, Тургенева, Пушкина, Толстого — все вызывает в ней бурю неподдельного удивления и восхищения.

— Конечно, еще очень многому предстоит учиться. Но публика ждать не будет, — говорит Алла, — публика может простить какие-то технические неточности, шероховатости, но безразличия, неискренности, кривляния и фальши — никогда.

— Как вы объясняете свой успех?

— Я очень верю в то, о чем пою. Верю, что в жизни именно так все и происходит. И я чувствую, когда публика безразлична или рассеянна, а когда верит мне и благодарно отзывается, если вдруг удастся как-нибудь тронуть самые сокровенные чувства. Я стараюсь научиться понимать публику.

— Зарубежный рецензент упоминает о своеобразии жеста, мимики. Вы сознательно ими пользуетесь?

— Нет, это получается само собой. Желание, которое я преследую сознательно, у меня одно: на сцене я стремлюсь, чтобы слушатели переживали музыку так, как переживаю ее я. Но для этого нужно быть искренней сначала перед собой.

— Стало быть, для вас все-таки существует проблема вхождения в образ?

— Да. Например, на конкурсе в Нидерландах я выступила сравнительно успешно, но на душе осталось чувство неудовлетворенности, мне казалось, что я не раскрыла всех своих возможностей. Я ведь очень долго готовилась к этому конкурсу. Думаю, на это повлиял также и несколько сдержанный прием голландской публики. Зато в Мелтинге — был настоящий праздник пения. Мне казалось, что все ждут от меня чего-то необыкновенного. У меня было огромное желание петь, и очень хорошо — иначе было просто нельзя. Мне удавался любой желаемый нюанс и даже те, которые прежде не получались.

А началось все не так уж радостно: пианист Аллы заболел и остался в Москве. Много сомнений и страхов пережила девушка прежде, чем пианист, предложенный организаторами конкурса, понял своеобразие творческого почерка советской певицы. Пугала еще одна неожиданность: певец, завоевавший первую премию в Нидерландах, здесь, в Англии, не прошел даже на второй тур. Что это? Случайность или закономерность? Конечно, Алла Аблабердыева волновалась.

Но искренность и правда ее искусства принесли успех.

Н. ШУМЕЙКО.